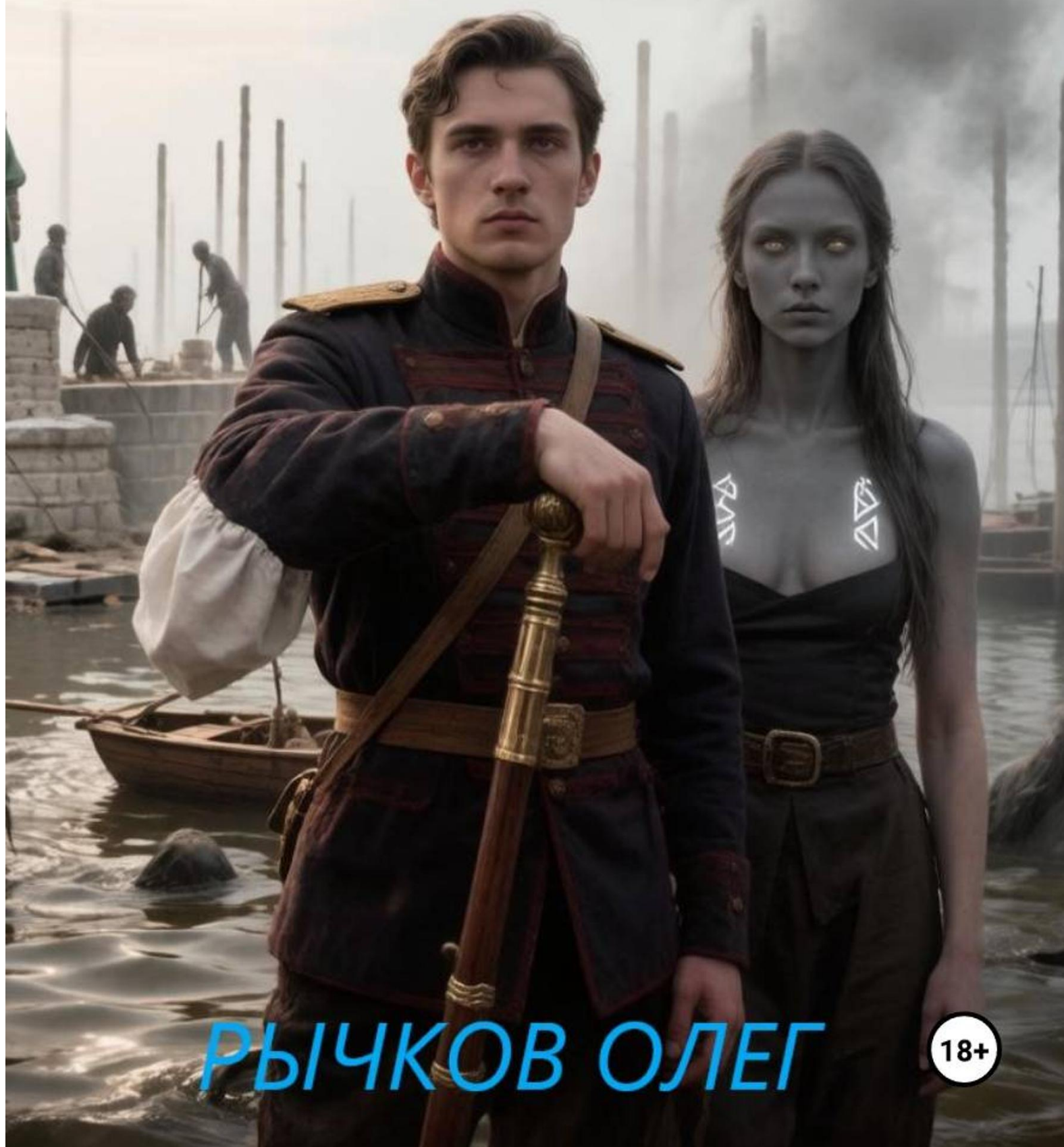

АВЫЙ МОРО

РЫЧКОВ ОЛЕГ

18+

Олег Рычков
Навий морок

«Автор»

2026

Рычков О.

Навий морок / О. Рычков — «Автор», 2026

Москва, 1703 год. Эпоха великих реформ и великой боли. Петр I рубит не только бороды — его топор прорубил дыру в самой ткани мироздания. Запретив древние обряды и насадив европейский порядок, царь разорвал Завесу между Явью и Навью. Теперь по улицам столицы бродят утопленники строящегося Петербурга, а из курганов Дикого поля лезет степная нежить. Антаан де Витри — преображенец до мозга костей, верящий в чертежи Лейбница и силу картечи. Домна — пинежская ведьма, наследница старой крови, говорящая с духами леса. Связанные мертвым узлом проклятия, они вынуждены делить одну боль на двоих и ненавидеть друг друга за это единство.

© Рычков О., 2026

© Автор, 2026

Олег Рычков

Навий морок

НАВИЙ МОРОК

Глава 1

Зима в Архангельском уезде не имела дна. Мороз стоял такой плотный, что казалось — ударь кием по воздуху, и он зазвенит льдом, рассыпавшись сотней стеклянных осколков. Антаан де Витри чувствовал этот холод даже сквозь толстую волчью полость саней и суконный мундир бомбардирской роты. Для него, выросшего в сырой Немецкой слободе, где даже в самые лютые зимы дышали сыростью и паром от навоза, русская стужа была физическим оскорблением. Она лезла под одежду не ветром — ветер он мог перетерпеть. Она проникала сквозь кожу тысячью ледяных игл, добиралась до костей и там, внутри, начинала высверливать тепло, как червь точит древесину.

Он сжал челюсти, чтобы зубы не стучали, и перевел взгляд на колонну. Впереди тяжело ухали топоры. Там, на берегу Северной Двины, государевы люди рубили поморскую сосну для закладки новых кораблей. Великий флот рождался в муках, оглашая тайгу звоном стали и надсадным кашлем каторжных. Антаан слышал этот кашель даже через сто саженей — сухой, лающий, почти звериный. Он знал, что такое каторга. Видел её в глазах этих людей, когда те смотрели на него — молодого, сытого, в хорошем мундире. Они его ненавидели. И он их не винил.

Он конвоировал последнюю партию «рекрутов» — вчерашних холопов, согнанных из-под Вологды. Тридцать душ, истоптанных за сто вёрст пути, с обмороженными лицами и воспалёнными глазами. В его подчинении было шестеро преображенцев при одной трёхфунтовой фальконетке, притороченной к задку обоза. Маловато для такого груза. Но воевода сказал: «Ты, де Витри, человек надёжный. Доставишь». И Антаан не посмел возразить, хотя чутьём бомбардира, привыкшего рассчитывать вес пороха и траекторию ядра, чувствовал — что-то здесь не так. Лес слишком тих. Река слишком спокойна.

Люди были истощены переходом до предела. От них шёл пар, тут же оседающий инеем на бровях, на бородах, на воротах рваных зипунов.

— Шевелись, дохлятина! — рявкнул один из солдат, пиная прикладом мушкета мужика, упавшего в сугроб. — Государь ждать не будет!

Тело мужика дёрнулось, но не встало. Он только хрипел, цепляясь руками за ледяную корку, и изо рта у него шёл не пар — что-то красное, жидкое. Антаан хотел одернуть солдата — бить лежащего, да ещё такого обессиленного, было противно его офицерской чести, — но прикусил язык. Дисциплина сейчас важнее человеколюбия. Если эти тридцать душ не дойдут до казарм сегодня ночью, половина замерзнет насмерть прямо на тракте. Его задача — живых душ, а не их нравственности. Он прищепил коня, выезжая вперёд колонны. Под копытами хрустел наст, твёрдый как чугун. Хруст был слишком громким. И слишком частым.

Первым неладное заметил мерин заводной упряжки. Животное захрипело, встало на дыбы, вырывая поводья из рук возницы. Глаза коня закатились так, что стали видны белки — белые, как лед на реке. Конь смотрел не на лес, куда уходила дорога. Он смотрел на реку. На застывшую гладь Двины. И в этом взгляде было не испуг — ужас. Тот самый ужас, который Антаан видел у людей перед казнью, когда палач заносил топор.

Лёд там, где течение подмывало берег, пошёл трещинами. Но трещины двигались против ветра. Они не расходились от берега к центру — они стягивались к одной точке, как паутина к пауку. И в этой точке лёд начинал пульсировать. Сначала едва заметно, словно под ним билось большое, холодное сердце.

Из трещин во льду полезли руки. Сначала одна, судорожно скребущая прозрачный панцирь длинными синюшными ногтями. Затем вторая. А потом лёд взорвался брызгами крошева, и из чёрной воды начала подниматься фигура.

Это был не обычный утопленник. Вода так и стекала с него сплошным потоком, хотя вокруг стоял трескучий минус. Одежда — остатки крестьянского зипуна — превратилась в зеленоватую слизь, скользкую и живую. Лицо отсутствовало, вместо него белела маска из мелких речных раковин, скреплённых тиной. За первым поднялся второй. Третий. Они выходили из реки молча, без единого плеска, вытягивая за собой шлейфы донной мути. И каждый шаг их по льду не оставлял следа. Они ступали на лёд, но весили меньше снежинки.

— Вереи, — выдохнул кто-то из рекрутов. Старый мужик с седой бородой, который всю дорогу молился шепотом. Он крестился дрожащей рукой, и в глазах его была не просто вера — знание. — Свят-свят... Они пришли за нашими душами, родные...

— Стоять! — гаркнул Антаан, выхватывая палаш. Лезвие со звоном вылетело из ножен. Серебряная насечка на клинке — работа лучшего оружейника Немецкой слободы — блеснула в сером зимнем свете. — Фальконетку к бою! Картечью по фронту! Бейте по ногам, рубите конечности!

Он сам не верил в то, что говорил. Он читал трактаты о противодействии нечисти, составленные инженерами на службе царя. Теория — это одно. Ледяная рука, вылезающая из трещины — совсем другое.

Утопленники двинулись на обоз. Их движения были дёргаными, ломаными, словно невидимый кукловод тянул их за жилы, привязанные ко дну реки. Они шли не ради крови. Они шли за теплом живого тела, чтобы забрать себе ту искру жизни, которую отобрал у них лёд. В их грудных клетках не было сердец, но был голод. Голод холодный, как вода на дне.

Первый навий врезался в бок саням. Дерево затрещало, как сухая кость. Тварь выбросила вперёд руку, и пальцы-крючья сомкнулись на ворота рекрута, стоявшего рядом с Антааном. Парень даже не закричал. Он просто открыл рот, и из горла у него вырвался пар — горячий, живой — и потянулся к ладони нежити, как дым к печной трубе. Утопленник втянул этот пар в свою грудь, и его тело чуть заметно потеплело, покрывшись влажным налётом.

Антаан не стал тратить время на замах. Короткий колющий выпад тяжелой кавалерийской сабли вошёл точно в основание шеи нежити. Лезвие рассекло позвоночник — по идее, это должно было обездвижить любого противника. Но мёртвый даже не покачнулся. Он просто повернул голову на сломанной шее. Его глаза-раковины впились в лицо Антаану. В них не было ненависти. В них была пустота. И эта пустота смотрела прямо на него, как на вещь, которую можно сломать.

Холод ударил в грудь. Боль прошла рёбра слева направо, выбивая дыхание. Антаан понял свою ошибку слишком поздно: нужно было не колоть, а рубить. Отсечь руку, снести голову, разорвать связь с якорем. Серебряная насечка на клинке, на которую он так рассчитывал, лишь разъярила духа. Она жгла его, как огонь жжёт воду, но не убивала. Только отгоняла.

Тяжелый багор опустился на затылок утопленника сверху — это Еремей, десятник охраны, наконец сообразил, что железо здесь бессильно. Багор, сделанный из рябины и окочеванный медью, прилетел точно по голове. Череп твари лопнул, рассыпая фонтан ледяной трухи и мелких ракушек. Нежить рухнула на колени, а потом завалилась на бок, истлевая на глазах. От неё осталась только куча мокрой грязи и раковин.

— Спасибо, Еремей, — выдохнул Антаан, чувствуя, как немеет левая рука.

Но следом пошли остальные. Их было не трое. Их было не пять. Их было больше двадцати — они вылезали из трещин, как муравьи из разорённого муравейника, и все они тянули руки к живым. К рекрутам. К солдатам. К нему.

Фальконет рявкнул, выплюнув облако дыма и свинца. Картечь срезала троих, превратив их торсы в месиво мокрого тряпья и осколков льда. Ещё двое отлетели назад, разбившись о лёд, но они не кричали. Они просто вставали снова, волоча за собой раздробленные ноги.

— Заряжай! — крикнул Антаан солдатам, но те уже не слушали. Они пятились, сбиваясь в кучу, а рекруты начали разбегаться в стороны, в лес, куда глаза глядят. Один из них споткнулся о корень, упал лицом в снег. Ближайший утопленник мгновенно оказался над ним. Рука твари метнулась вниз, и Антаан видел всё как в замедленном времени: как когти пробивают овчинный тулуп, входят между лопаток, смыкаясь на сердце парня. Из груди рекрута вырвался последний вздох — белый, плотный, парящий. Утопленник вдохнул его, и его тело на мгновение стало почти человеческим: появились щёки, губы, даже глаза — на одно мгновение. А потом снова ракушки, снова слизь.

«Домна! — мысленно взмолился Антаан, чувствуя, как немеет не только рука, но и ноги. — Держи границу, ведьма! Я не выдержу ещё одного!»

Ответа не последовало. Связь молчала. Та самая связь, завязанная кровавым узлом на заимке полгода назад, сейчас давала сбой. Или он просто перестал её чувствовать, потому что кровь покидала его тело быстрее, чем он успевал это осознать. Он попытался позвать её снова, но в голове была только пустота. Холодная, как лёд под ногами.

Антаан перехватил тяжелую рукоять палаша левой рукой. Правая уже не слушалась от холода, пальцы скрючились, побелели, стали похожи на корни старого дерева. Он сжал зубы так сильно, что хрустнула эмаль. Он не был храбрецом. Он был выживальщиком.

Замах вышел неуклюжим, широким. Лезвие прошло вскользь по плечу нежити, снеся кусок мёрзлой плоти вместе с лямкой порванной рубахи. Из раны плеснуло не кровью — густой, чёрной водой, которая пахла могилой и сероводородом. Вода попала Антаану на лицо.

Кожа вспыхнула огнём.

Он ослеп. Мир исчез в белой вспышке невыносимой боли, которая шла не от ран — от знания, что эта тварь, этот кусок разложившегося мяса, имеет право на существование в его мире. В мире, где царь строит флот, где инженеры чертят фортификации, где наука побеждает мракобесие. А он, бомбардир Преображенского полка, умирает от раны, которую нанесла ему дохлая рыба.

Пальцы разжались сами собой, выпустив эфес. Антаан попытался сделать шаг назад, запнулся о брошенную чалку и повалился спиной в жёсткий, смерзшийся наст. Удар о лёд выбил остатки воздуха из лёгких. Он смотрел в небо, и небо было серым, без единого просвета, как крышка гроба. Последнее, что он увидел краем глаза — мелькнул чёрный зипун одного из рекрутов, убегающего в лес, и белая фигура, возвышающаяся над ним.

Над ним.

Раковины на лице твари раздвинулись в беззвучном крике. Ладонь утопленника легла на кирасу драгуна. Металл не защитил. Холод потек внутрь, минуя сталь, кости, мясо. Добираясь до самого сердца. Антаан почувствовал, как оно сжимается, как его собственное тепло утекает в эту мёртвую руку, как тварь пьет его жизнь, и он не может ничего сделать. Он даже не может закричать.

«Прощай, Империя, — подумал он сквозь нарастающую пустоту. — Прощай, патент. Прощай...»

Последнее, что слышал Антаан сквозь нарастающий гул в ушах, был не визг нежити и не команды солдат. Это был звук лопающегося фарфора — звон разбивающейся внутри грудной клетки надежды на офицерский патент, на славу Империи и на собственное тёплое будущее. А потом звук лопнувшего льда. Очень близко, прямо под его головой.

Мир утонул в темноте быстрее, чем сам утопленник уходит под воду.

Глава 2

Лес стонал.

Домна шла по сугробам уже вторые сутки, не разжигая огня. Для обычного человека трескучий архангельский мороз стал бы могилой на первой же ночевке, но в её жилах текла кровь пинежской чуди — древняя, густая, помнящая времена до крещения Руси. Она чувала смерть за три версты. А сейчас лес пах смертью так сильно, что у Домны горчило во рту.

Она вышла к государственной просеке перед самым закатом. Картина была страшной в своей обыденности: перевернутые сани, задрывшая оглобли убитая лошадь, чьи внутренности замерзли прямо на ходу, и черные пятна тел на белом снегу. Рекруты лежали там, где их настигла Навь. Лица синие, рты раскрыты в последнем беззвучном вопле. Никакой волк или медведь не тронул мертвецов — зверье обходило это место стороной, чуя истинных хозяев ночи.

Домна опустилась на колени рядом с одним из преображенцев. Провела ладонью над его лицом, закрыв глаза. Пусто. Душа ушла час назад, испарилась от холода бездны. Следующий. Тоже пусто. И следующий. Солдатня Петра гнила здесь просто как падаль, без молитв и отпевания.

Она нашла его под брюхом полкового мерина. Бомбардир упал туда, пытаясь спрятаться от ветра, и издох вместе с лошады. Его синий мундир был покрыт толстой коркой льда. Левая рука неестественно вывернута, а грудь представляла собой сплошное месиво рваных дыр — следы когтей утопленников.

Он еще дышал. Едва-едва. Воздух выходил из пробитых легких с тихим, свистящим бульканьем. Кожа драгуна была белой, как снятое молоко. Если оставить его здесь, через полчаса душа примерзнет к телу, и он станет одной из тех тварей, что разорвали обоз.

— Не для тебя стараюсь, лягушатник, — прошептала Домна, стаскивая тяжелое тело с конской туши. — Нужен мне щит покрепче бересты. Да и долг крови никто не отменял.

Тащить взрослого мужика по пояс в снегу было пыткой. До заимки — старой раскольничьей скитки, брошенной лет десять назад после самосожжения старцев — она добралась только глубокой ночью. Втянула драгуна внутрь прокопченной избы, захлопнула обитую шкурой дверь и заложила засов.

Внутри пахло сухой травой, гарью и старым воском. В красном углу вместо икон чернел выжженный след от костра. Домна сбросила раненого на земляной пол, ближе к остывающей печи. Сбросила тулуп. Руки привычно начали работу: срезание ледяной корки с одежды, осмотр ран.

Раны были плохими. Дело не в железе — железо можно вытащить. Дело было в *черной воде*, которую Антаан получил в лицо. Вода мертвой реки начала жрать его изнутри. Плоть вокруг царапин почернела, словно обугленная, хотя огня не было.

— Просвещенец... — фыркнула она, доставая из сумы глиняный горшочек с медвежьим жиром. — Верил в таблицы Лейбница, пока навья лапа тебе кишки не выпустила.

Чтобы вытянуть морок, нужен был якорь. Что-то древнее, сильнее петровских указов о брандобритии. Домна подошла к дальней стене избы. Раздвинула доски пола. Там, в неглубокой нише, завернутое в истлевшую рогожу, лежало то, ради чего она пришла в эти леса.

Идол. Чур Велеса. Корявый, вытесанный из цельного корня лиственницы лик древнего бога-хранителя границы миров. Один глаз идола был выбит, другой смотрел слепо, но дерево всё ещё хранило силу предков.

Домна перетащила бесчувственного драгуна прямо к подножию изваяния. Расстелила на полу чистую холстину. Достала нож. Тот самый, с рукоятью из оленьего рога, который передавался в её роду от матери к дочери семь поколений. Клинок был темным от впитанной крови.

— Ты хотел знать, как работает этот мир без твоих чертежей? — сказала она, глядя в белое лицо Антаана. — Сейчас узнаешь. Только учти, лягушатник: плата берется вперед.

Она полоснула ножом по своей левой ладони. Кровь выступила густая, почти черная в свете лучины. Затем резким движением распорол ворот мундира драгуна. Острие ножа вошло

точно над сердцем Антаана, делая глубокий крестообразный надрез. Он даже не дернулся — находился слишком глубоко в ледяном сне смерти.

Домна прижала свою окровавленную ладонь к его обнаженной груди. Прямо поверх раны.

— Древними путями хожу, кровью-землей реку держу, — заговорила она быстро, нараспев, переходя на язык чуди, которого Антаан никогда не смог бы понять. — Две доли одна судьба. Где один ступит, там второй упадет. Боль на двоих, дыхание одно. Узел завязываю, нить пряду. Мертвый воду пьет — живой пускай живет. Замыкаю. Слово мое крепко...

Земляной пол избы дрогнул. По стенам прошел низкий гул, от которого заныли зубы. Черный рот идола Велеса вдруг исторг струйку сизого дыма. Дым не поднимался к потолку, а потек вниз, обвиваясь вокруг рук Домны, сплетаясь с кровавыми нитями, соединявшими её ладонь и грудь драгуна.

Антаану показалось, что его ударили молотом между лопаток. Холод, владевший им, внезапно сменился невыносимым жаром. Ему привиделось, что он падает в кипящую смолу, но эта смола пахла медом, диким зверем и прелой листвой. Кто-то чужой и огромный шагнул внутрь его грудной клетки, раздвигая ребра. Это не было похоже на спасение — это было похоже на жестокое, варварское вторжение. Чужая воля оплела его сердце липкими корнями.

А затем боль схлопнулась. Сердце, остановившееся минуту назад, пропустило тяжелый, болезненный толчок. Еще один. Из пробитых легких со свистом вырвался воздух. Антаан выгнулся дугой, заходясь в сиплом кашле, выплевывая на пол черную ледяную слизь вперемешку с собственной кровью.

Он открыл глаза. Потолок избы плыл. Лучина на столе горела зеленым огнем. Сама женщина сидела рядом, тяжело дыша. Её болотные глаза казались двумя омутами, в которых тонуло отражение пламени. На её левой ладони, прижатой к его груди, кожа медленно затягивалась, не оставляя даже шрама. Зато на коже самого Антаана, ровно над сердцем, теперь проступали два рунических знака. Они слабо пульсировали багровым светом в такт его сердцебиению.

— Жить будешь, — прохрипела Домна, отстраняясь и зажимая плечо. Выдохлась она знатно. — Три дня пластом лежать. Ходить начнешь — жилы лопнут.

Антаан попытался сесть. Тело слушалось ватно, но оно *слушалось*. Мороз больше не грыз кости. Внутри поселилось странное, чужеродное тепло. — Что ты сделала, ведьма? — голос звучал хрипло, незнакомо.

Домна подняла на него взгляд. Впервые за всё время в её глазах мелькнул страх. — Спасла инструмент, — ответила она, но губы её предательски дрожали. — Завязала узел. Теперь твоя жизнь висит на моей нити. Устану я — умрешь ты. Испугаюсь насмерть — схватишь разрыв сердца. Мы двое в одной плоти, лягушатник. Нравится тебе такая механика?

Антаан не успел ответить. Стены избы исчезли.

Вместо копоти и запаха жира в ноздри ударила вонь гниющих водорослей и серы. Воздух зазвенел.

Прямо сквозь бревенчатую стену бани прошла фигура рекрута с синим лицом. За ней вторая. Третья. Десятки полупрозрачных силуэтов заполнили тесное пространство. Они стояли молча, смотрели пустыми глазницами на живого, тянули к нему свои призрачные руки. Их рты были зашиты черной коркой донного ила.

— Слышишь их? — тихо спросила Домна, заметив, как побледнел ее «спасенный». — Теперь всегда будешь слышать. Граница прорвана Петром, а моя кровь открыла твои уши. Добро пожаловать в Явь, бомбардир. Здесь мертвые платят по счетам живых.

Антаан закрыл глаза, но видения не исчезли. Они были внутри него. Он слышал их. Он чувствовал их холод. Он был одним из них и чужим одновременно.

— Где мы теперь? — спросил он, не открывая глаз.

— В мире, где ты не хозяин, лягушатник, — ответила Домна. — Но ты уже понял это, когда лед проломился у тебя под ногами. Только теперь твой хозяин — я.

Она встала, шатаясь, и пошла к печи разжигать огонь. За её спиной, в углу, чёрный лик Велеса смотрел на них обоих. И в его выбитом глазу что-то мерцало — не свет, не тень, а нечто третье, что видело всё и знало всё.

Глава 3

Тракт на Москву пах гарью и талым снегом. Запах этот был странным, неестественным для марта — когда в воздухе должно пахнуть прелой листвой и первыми проталинами, здесь, на государственной дороге, пахло горелым деревом, конским потом и чем-то кислым, вроде прокисшего хлеба. Антаан правил санями, закутавшись в чужой заячий тулуп до самого носа. Тулуп был велик, подол волочился по полу санного ящика, а рукава пришлось подвернуть три раза, но он держал тепло, которого сам Антаан уже не производил. Левая рука всё ещё висела плетью — сустав ныл к перемене погоды, которой не было конца уже третий месяц. Каждый день начинался с одного и того же: серое небо, мелкий колючий снег, ветер, который дул не с востока и не с запада, а откуда-то снизу, из-под земли, и казалось, что сама дорога дышит этим холодом.

Рядом с ним, кутаясь в свои лохмотья, сидела Домна. Она молчала всю дорогу от архангельской заимки, лишь изредка поглядывая по сторонам своими странными зелёными глазами. Молчание её было тяжёлым, недружелюбным — не тишина, а выжидание. Она ждала, что он начнёт задавать вопросы, что он полезет в её тайны, но Антаан не говорил ни слова. Он вообще не знал, что сказать этой женщине, которая спасла ему жизнь, но при этом навязала ему то, что он считал могилой для своей души.

Три дня назад он умирал от когтей утопленников. Сегодня его лёгкие были чисты, жар спал, а рана на груди затянулась розовой, гладкой кожей без единого признака воспаления. Антаан помнил, как лежал на земляном полу той избы, как в грудь ему входил холод, а потом — жар, и как этот жар пожирал его изнутри. Он помнил запах дыма, который шёл из идола, помнил, как чужое вошло в него и осталось там. Но он не хотел этого помнить. Он хотел верить, что это был бред, что его раненое сознание породило эти картины, как порождает кошмары больной мозг. Любой полковой лекарь назвал бы это чудом Господним или редчайшим везением. Антаан предпочитал верить в медицину.

— Это был крупозный отёк лёгких, спровоцированный переохлаждением, — произнёс он вслух, скорее для себя, чем для спутницы. Морозный воздух превращал слова в пар, и пар этот исчезал, не долетая до ушей Домны. — Кровоопускание ножом над сердцем создало резкий перепад давления, выгнав жидкость из альвеол. Твои травы сработали как мощный диуретик и стимулятор сердечной мышцы. Никакой мистики. Чистая физиология.

Он говорил это, сжимая вожжи, и чувствовал, что пальцы его дрожат. Не от холода. От того, что он не верил ни единому своему слову. Но если бы он признал, что это была магия, что Домна действительно связала их жизни в тот вечер, тогда бы рухнуло всё: его вера в науку, его вера в царя, его вера в то, что мир устроен правильно, по чертежам и таблицам, а не по прихоти лесных духов.

Домна медленно повернула голову. Уголок её рта дернулся в усмешке, больше похожей на оскал хищной птицы. Она не спешила с ответом — дала ему договорить, дала ему повиснуть в пустоте, и только потом заговорила.

— Физиология, значит? — переспросила она хрипло. — А то, что ты три дня пил одну только воду из моего котелка, пока я сцеживала тебе в рот волчье молоко, — это тоже «диуретик»? Или, может, идол Велеса просто решил подышать дымом тебе в грудь?

Она говорила ровно, без злобы, но в каждом её слове слышалось превосходство. Превосходство того, кто знает, а не предполагает. Антаан ненавидел этот тон. Он сам привык быть тем, кто знает, кто объясняет, кто снисходит до невежд. А здесь он был невеждой.

— Идол — кусок мёртвого дерева, ведьма, — отрезал он, плотнее сжимая вожжи. Лошадь фыркала и косила глазом на лес, словно чуя неладное. — Дерево не дышит. Дышат люди. Те мертвецы на реке... они были больны оспой или холерой. Их раздутые трупы течением прибило к берегу во время ледохода. Мы попали в зону миазмов. Галлюцинации от нехватки кислорода и отравления болотным газом — вот откуда взялись твои «верей». Петр Алексеевич скоро высушит эти топи дренажем, и никакой нежити там не останется. Будет регулярная навигация и склады пеньки.

Он выпалил это на одном дыхании, и в конце голос его чуть дрогнул — он сам услышал, как глупо это звучит. Галлюцинации? У двадцати человек одновременно? Миазмы, которые превращают мертвецов в ходячих тварей с ракушками вместо лиц? Он читал труды голландских медиков, он знал, что такое болотная лихорадка, и это было не то. Но он не мог признать это. Признать — означало сдаться.

Домна ничего не ответила. Только чуть прищурилась, отчего морщинки в уголках её глаз стали глубже. Она смотрела не на тракт перед собой, а куда-то поверх головы драгуна, в серое небо. Она видела то, чего не видел он. Или, точнее, то, что он отказывался видеть.

Там, где проезжали сани, реальность начинала рябить. Для Антаана это была обычная мартовская позёмка — снег, поднимаемый ветром, низкие облака, далёкий лес на горизонте. Для Домны дорога превратилась в бурлящую реку скорби. Она видела их — целые толпы, бредущие в ту же сторону, что и они. Тени.

С обочин тянулись души. Они брели в ту же сторону, что и обозы государевых людей — к Москве. Мужики в армяках, чьи спины были исполосованы ударами кнута приказчиков. Бабы с младенцами-снопами на руках, умершие от горячки прямо в пути, так и не успевшие покормить своих детей. Солдатские жёны, бросившиеся в прорубь после того, как их мужей забрали в рекруты навсегда, потому что без мужа жизнь теряла смысл. Старики, умершие от голода в прошлую зиму, когда хлеба не хватило даже на семена.

Они шли сквозь деревья, сквозь встречные телеги, друг сквозь друга. Рои неприкаянных душ. Большинство из них даже не светились призрачным огнём — они были тусклыми, пепельными, стёртыми. Слишком много их было, и каждый новый морок размывал их всё больше, превращая в тени теней. Обычные люди, раздавленные жерновами новой империи. Петру нужны были корабли, каналы и чугун, и ради этого он молот человеческие жизни в труху. А Навь собирала эту труху, потому что ей некуда было падать дальше. Мёртвым не было места ни в земле, промёрзшей до самого ядра, ни в небе, закрытом свинцовым пологом. Они оставались здесь, между, и брели, брели, брели в сторону новой столицы, которую они ненавидели ещё при жизни.

Домна не отводила глаз от этого потока. Она привыкла к ним — к их виду, к их молчаливому страданию. Но каждый раз, когда сани проезжали сквозь особенно густую толпу теней, она чувствовала, как её собственная душа сжимается. Она не могла помочь им. Она могла только видеть.

Впереди показался очередной мост через овраг. На въезде стоял полосатый шлагбаум, у которого дремал старый солдат-инвалид в треухе. Его лицо было изъедено оспой, левая рука отсутствовала, а на груди висела медаль за какую-то давнюю войну. Рядом с ним, прямо на голых прутьях дорожного указателя, сидел Баечник.

Для Антаана это выглядело как крупный чёрный ворон, нахохлившийся от холода. Птица переступала лапками, пряча клюв под крыло, и временами издавала гортанный, надсадный карк, который, если прислушаться, звучал почти как слово. Почти как имя. Почти как проклятие.

Для Домны это была сутулая фигура ростом с десятилетнего ребёнка, сотканная из дорожной пыли и чужих ночных кошмаров. У него не было лица, вместо шеи клубился серый туман, а пальцы были слишком длинными, слишком тонкими, словно их вытягивали, пока они

не стали похожи на ветки высохшего дерева. Он питался страхом перед новым: шептал путникам, что царь продал душу шведам, что бороды рубили, чтобы удобрить немецкую землю, что все новые монеты отравлены антихристом, что новый календарь отсчитывает дни до конца света. От одного присутствия этой твари старая крестьянская лошадь начала храпеть и перебирать ногами, глаза её налились кровью, а из ноздрей повалил пар — не от холода, от ужаса.

— Сворачивай направо, — тихо сказала Домна, и голос её прозвучал резче, чем она хотела. — Здесь стоять нельзя. Этот ест сомнения. Заставит нас перегрызть друг другу глотки слухами.

— Что? — Антаан проследил за её взглядом, но увидел только чёрную птицу, сидящую на столбе. — Ты про ворону? Испугалась птички, раскольника? Кинь в неё полено, если мешает.

Он щёлкнул вожжами, посылая лошадь быстрее к заставе. Ему хотелось поскорее проехать этот мост, миновать этого инвалида, который смотрел на них пустыми глазами, миновать эту проклятую дорогу, которая тянулась бесконечно, как сама зима. Ворона-оборотень подняла голову. В провалах её глазниц мелькнуло нечто, лишённое разума, но полное липкого, сладковатого любопытства. Она смотрела на них. Нет — она смотрела в них.

Как только сани поравнялись со шлагбаумом, воздух загустел. Звук пропал. Мир вокруг стал ватным, глухим. Исчез скрип полозьев, исчезло дыхание лошади, исчез даже ветер. Остался только тонкий, назойливый звон в ушах — высокий, пронзительный, как звук закипающего чайника, который вот-вот взорвётся.

«Бросай его...» — прошелестело прямо в мозг Антаана. Голос был сухим, как шелест пергамента, и он шёл не извне — он шёл изнутри, из самой глубины его сознания, туда, куда он не пускал даже самого себя. «Она бесово семя. Слышишь, как трещит лёд под полозьями? Это кости твоего отца-француза хрустят. Бросай дикарку, иди ко мне, согреешься...»

Голос знал всё. Знал о его тайном позоре, о матери-прачке, о том, как маленький Антаан плакал, когда отец-мушкетер вышвырнул его из дома в Париже, потому что сын был слаб и недостойн носить фамилию. Знал о том, как он пробивался в Преображенский полк, как терпел насмешки, как доказывал, что он не просто «французишка», а солдат, офицер, человек. Знал его страх, его самую главную тайну: что он боится, что всего этого недостаточно, что он никогда не станет тем, кем хочет стать.

Холод, который отступил после ритуала, снова начал впиваться в пальцы ног. Он поднимался от ступней к коленям, от коленей к животу, добираясь до сердца.

Одновременно с этим Домна почувствовала, как узел внутри неё натягивается. Рунические клейма на груди Антаана вспыхнули багровым под сукном тулупа — она видела этот свет даже сквозь одежду, он пробивал ткань, как огонь пробивает золу. Его паника стала её кислородным голоданием. Она не слышала того, что слышал он, но чувствовала его страх, его сомнение, его готовность поддаться этому голосу.

— Не слушай! — крикнула она, хватая драгуна за колено здоровой рукой. Её ногти впились сквозь ткань, впились в кожу, оставляя царапины. — Это морок! Он ищет щель в твоей гордыне!

— Убери руки! — Антаан резко ударил её локтем в лицо. Удар вышел слабым, смазанным — он сам не понял, что делает, просто хотел, чтобы она исчезла, чтобы этот голос исчез, чтобы всё исчезло. Но Домну отбросило к борту саней. Из разбитой губы потекла кровь. Зелёные глаза полыхнули опасным огнём — не гневом, нет, чем-то более древним, что не имело имени.

В этот момент оба поняли свою ошибку. Конфликт управления. Страх Антаана столкнул волю Домны. Связанные узлом души попытались перехватить тело одновременно. Каждый из них рванулся к контролю, каждый попытался встать, крикнуть, сделать что-то, но их воли столкнулись в груди, как две волны, и вместо движения получился паралич.

Лошадь встала на дыбы, заржав так истошно, словно с неё заживо сдирали шкуру. Сани занесло боком. Полоз зацепился за скрытый под снегом корень, и телегу трянуло так, что

кости застучали друг о друга. Антаан вывалился головой вниз прямо в придорожный сугроб. Следом, запутавшись в полсти, рухнула Домна.

Они лежали в снегу в десяти шагах от шлагбаума. Над ними навис деревянный столб с двуглавым орлом, и орёл смотрел на них сверху мёртвыми деревянными глазами, ничего не видя, ничего не понимая.

Первым поднялся Антаан. Сплюнул снег, ощупал голову. Крови не было. Он посмотрел на Домну. Та тяжело отплёвывалась, прижимая ладонь к лицу. Губа её была разбита, кровь сочилась между пальцев, но она смотрела на него с вызовом — не злым, а усталым. Затем перевел взгляд на заставу.

Солдат-инвалид исчез. Шлагбаум валялся в грязи, сломанный, словно по нему проехал табун лошадей. Никаких следов колёс или копыт вокруг. Только одинокий ворон тяжело взлетел с ветки сосны, задев крылом лицо Антаана, и растворился в белесом небе. От его крыла остался холод, который Антаан запомнит надолго: холод не тела, а души.

И ни одной души вокруг. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Призрачный поток, текущий к Москве, иссяк в этом месте. Баечник сожрал их страхи и ушёл переваривать. Он насытился, и теперь, где-то в придорожной канаве, он лежал, раздуваясь от чужого горя, как клещ от крови.

Антаан протянул руку, помогая Домне встать. Теперь он избегал смотреть ей в глаза. — Твоя взяла, — буркнул он, отряхивая колени. — Миазмы здесь гуще обычного. Возможно, гниет торфяник. Нужно ехать в объезд, иначе угорим.

Он сам не знал, зачем говорит это. Просто не мог молчать. Не мог признать, что его только что едва не разорвали на части изнутри, что он был готов бросить эту женщину, которая спасла ему жизнь, из-за голоса, который знал его боль и играл на ней, как на струне.

Домна стерла тыльной стороной ладони кровь с подбородка. Посмотрела на удаляющийся силуэт ворона. В её взгляде не было злости. Только усталость и знание того, что это не последний раз.

— Называй как хочешь, лягушатник, — ровно ответила она. — Хоть воспалением лёгких, хоть гнилым торфом. Но когда следующая тварь придет за тобой ночью, не зови своего Лейбница. Он чертежей против пустоты не рисовал. Позови меня. Я хотя бы знаю, как правильно резать горло.

Она отвернулась, поправила лохмотья и полезла обратно в сани. Антаан стоял на дороге, глядя в пустоту, и чувствовал, как внутри него что-то сжимается. Не холод. Не страх. Понимание того, что мир, который он знал, перестал существовать в тот самый момент, когда лёд на реке пошёл трещинами.

Глава 4

Село Выдропужск встретило их запахом паленой шерсти и паникой. Запах этот был таким густым, что, казалось, его можно было резать ножом. Он смешивался с сырым холодом мартовского вечера, и эта смесь оседала на языке горьким, едким привкусом, от которого хотелось сплюнуть. Но Антаан не плевал — он просто сжимал челюсти и смотрел вперед.

Они добрались сюда к вечеру третьего дня, миновав заставу с вороном-обернувшимся. Дорога была долгой, санный путь измотал их обоих до предела, но ни один не жаловался. Антаан не жаловался, потому что считал это ниже своего достоинства. Домна не жаловалась, потому что вообще редко произносила лишние слова. Село было богатым — стояли крепкие пятистенки под тесовыми крышами, в центре высилась новая каменная церковь Спаса-на-Водах, построенная на деньги местного купчины вопреки петровскому запрету на камень. Казна нуждалась в металле для пушек, и любой камень, который уходил на храмы, был для царя личным оскорблением. Купчина этот, видимо, был либо очень смелым, либо очень глупым. Сейчас его смелость или глупость уже не имели значения — над трубами села не поднимался ни единый дымок, а ставни были накрепко заколочены изнутри досками и железными скобами.

— Мор? — предположил Антаан, осаживая лошадь у колодца. Он потянул носом воздух, пытаясь выделить знакомые запахи. Пахло гарью, но не пожаром. Так пахнет опаленный волос или перо — тот сладковато-тошнотворный запах, который остается после того, как огонь прошелся по шерсти или коже. Он знал этот запах по лагерным кострам, когда солдаты жгли старую амуницию или мертвых лошадей.

— Хуже, — Домна прыгнула в снег раньше, чем он успел подать руку. Она двигалась бесшумно, несмотря на недавнее падение, несмотря на все синяки и ушибы, которые покрывали её тело. Она ступала, как зверь, как та, кто привык передвигаться по лесу, оставляя следы только там, где хотела. — Банник лютует. Видишь, скотину со двора выгнал?

Антаан проследил за её взглядом. Действительно, по единственной улице села бродили ошалевшие коровы, мыча и тыкаясь мордами в запертые ворота. Они были грязными, сбитыми в кучу, и в их глазах застыл не просто страх — панический ужас. Ни одна тварь Нави не смогла бы согнать стадо так организованно — животные просто бежали от центра деревни, где стоял самый большой дом старосты. Их инстинкт говорил им, что опасность там, в том доме, но они не знали, что делать дальше.

— Почему они не ушли? — спросил Антаан, кивнув на темные окна крайних изб. — Если дух гонит скот, люди должны бежать следом.

— Потому что банник держит дверь, — Домна достала из-за пазухи тряпицу, развернула её. Внутри лежал кусок черного хлеба, густо посоленного, уже начавшего черстветь. Она отломала кусочек, положила в рот, прожевала, не торопясь, словно совершала священнодействие. — Не выпускает. Грешников карает. Нам нужен его якорь.

Из трубы дома старосты вдруг повалил густой черный дым, хотя печь там явно никто не топил. Дым сложился в фигуру огромной лохматой головы без глаз — безглазой, безротой, но с такой злобой, что её можно было потрогать руками, — и тут же втянулся обратно в кирпичную кладку. Это длилось секунду, может, две, но Антаан успел увидеть это и почувствовать, как внутри него, где-то под ребрами, шевельнулось что-то чужое.

Антаан поморщился. После того как Домна связала их жизни, его восприятие обострилось до невыносимости. Там, где она видела древнего духа места, он теперь видел структурные искажения эфира. Мир стал слоеным, как пирог: слой реальности, слой теней, слой холода, и все это переплеталось, пульсировало, дышало. Но мозг бомбардира отказывался принимать магию, поэтому разум услужливо подсовывал привычные термины: «газовые выбросы», «оптическая иллюзия», «коллективная истерия». Он цеплялся за них, как за спасательный круг, потому что без них он бы просто сошел с ума.

— Я пойду первым, — сказал он, отстегивая седельную суму. — Это дело для солдата. Ты держись за спиной и...

— И дышать не забывай, — перебила она. — Как только перестану видеть границу — падай. Значит, меня затащило считать трещины в печи. Не геройствуй, лягушатник.

Механика их связи была жестокой и простой. Домна стояла на пороге миров. Её задача — держать щель между Явью и Навью приоткрытой ровно настолько, чтобы человеческий глаз мог разглядеть истинную суть твари, скрытую за мороком. Она делала это с помощью того самого древнего пара, который выходил из неё, когда она сосредотачивалась. Но удержание границы требовало колоссального расхода жизненной силы. Если дух окажется слишком древним или сильным, Домна начнет «плыть» — терять сознание, проваливаясь в ледяную пустоту межреальности. В этот момент Антаан должен либо закончить бой, либо вытащить её физически, разорвав дистанцию. Секунда промедления — и она может исчезнуть навсегда.

Его оружие тоже изменилось после ритуала. Обычный пехотный палаш остался в санях. Сейчас в руке драгуна был короткий тесак с широким лезвием. Рукоять была обмотана кожей утопленника — Домна сказала, что это «держит мертвую энергию» внутри оружия, — а сам клинок был выточен из старой, мёртвой на корню осины. Антаан скептически относился к

такому оружию, но после первой же схватки понял: железо лишь злило навьих, серебро жгло, но раны затягивались слизью, и твари возвращались. Только мёртвое дерево, впитавшее в себя память земли, могло прервать существование привязанного к месту духа окончательно.

Домна шагнула во двор первой. Как только её сапог коснулся истоптанного снега у крыльца, мир изменился. Для Антаана это выглядело так, словно кто-то плеснул кислотой на реальность: краски поблекли, превратившись в сепию, звуки исчезли, осталась только низкая вибрация, отдающаяся в зубах. Воздух стал густым и тяжёлым, как перед грозой. Он чувствовал её — Домну, её напряжение, её готовность. И в то же время он чувствовал себя так, будто в его голову вставили второе сердце, которое билось в унисон с её пульсом.

А потом Домна выдохнула. Она встала посреди двора, раскинув руки ладонями вверх. Из её рта вырвалось облачко сизого пара, которое не рассеялось, а зависло вокруг них плотным коконом. Этот пар был прохладным, почти ледяным, и он, как свеча в темноте, выжигал остатки человеческого морока. Всё, что казалось обычным, становилось странным. Всё, что было странным, становилось обычным.

Банник перестал притворяться клубами дыма. Он сидел на коньке крыши, прямо над красным углом избы, и смотрел на них сверху вниз. Теперь это был не абстрактный лесной черт, не порождение больного воображения. Они увидели правду, которую скрывала Навь.

Это был мужик. Голый по пояс, невероятно тощий — рёбра можно было пересчитать по одному, — с кожей серого цвета мокрого пепла. Его спину от шеи до поясницы пересекали три страшных, давно заживших рубца — следы кнута приказчика, которые не зажили до конца, превратившись в уродливые келоидные шрамы. А вместо ступней у него были раздвоенные копыта, покрытые чёрной запекшейся кровью. На шее болтался ржавый железный обруч — клеймо беглого каторжника. Он не смотрел на них. Он смотрел куда-то вдаль, сквозь время, сквозь реальность, и в этом взгляде была такая тоска, что Антаану стало не по себе.

Староста забил его здесь насмерть год назад за недоимки, замуровав тело под порогом новой бани. Теперь душа мстила селу, питаясь страхом живых. Она не могла уйти — якорь держал её здесь, под теми самыми досками, которые когда-то были порогом.

Дух медленно повернул голову. У него не было лица — только гладкое поле с глубокими трещинами, из которых сочился гнойный свет. Но Антаан знал: если подойти ближе, можно будет заглянуть в эти трещины и увидеть последние минуты жизни крестьянина — огонь, боль и предсмертный хрип. Он видел это уже однажды, в глазах утопленников на реке. Он не хотел видеть это снова.

— Держу! — голос Домны прозвучал глухо, словно через слой войлока. По её вискам градом катился пот, он стекал по щекам, смешиваясь с дорожной грязью. Клейма на груди Антаана обожгли кожу — ведьма работала на пределе, её силы таяли с каждым мгновением.

Банник сорвался с крыши. Он не упал — стек вниз по стене жидкой массой, как вода по стеклу, собираясь в ком прямо перед крыльцом. Тварь метнулась к Домне, вытягивая вперёд узловатые пальцы. Она шла не убивать. Она шла забрать тепло той, кто посмел встать на границе её владений. Ей было холодно. Ей всегда было холодно.

Антаан не стал ждать сближения. Он ударил сверху вниз, вкладывая в выпад вес всего тела. Осиновый тесак вошёл в плечевой сустав духа легко, как в гнилую репу. Раздался звук рвущейся мокрой ткани — глухой, неприятный, отдающийся в ушах.

Банник взвыл. Звук был беззвучным для обычных людей — те, кто сидел в запертых избах, ничего не слышали, — но в оглохшем мире Антаана он резанул по нервам, как ржавый нож по стеклу. Плоть нежити пошла пузырями, выпуская наружу смрад горелого мяса. Дух попытался отдернуться, распасться на дым, но Домна своим колдовским паром буквально прибавала его к земле, не давая уйти в щели между брёвнами, в те самые трещины, из которых он выходил по ночам.

— Ядро! — крикнула она. — Бей в грудь!

Антаан рванул клинок на себя, выдирая куски серой плоти. Банник махнул лапой. Удар пришёлся драгуну в бок. Ребра хрустнули так громко, что этот звук перекрыл даже низкую вибрацию мира. Антаан отлетел к поленнице, выбив спиной несколько чурбаков, но рукояти тесака не выпустил. Боль вспыхнула адским огнём, застилая глаза красной пеленой, но холодная ярость бомбардира оказалась сильнее. Он поднялся, хромая. Левый рукав мгновенно пропитался тёмной кровью, и эта кровь была горячей, почти обжигающей, в отличие от холода, который шёл от банника.

Тварь качнулась, готовясь добить наглеца. В этот момент Домна упала на колени. Граница схлопнулась. Мир резко вернул свои краски и звуки — вернулись визжащие свиньи, лай собак и вой ветра. Кокон защиты больше не было. Дух снова стал для обычного глаза просто чёрным дымом, неуязвимым для дерева.

Но Антаан видел. Ритуал позволил ему сохранить остаточное зрение. Он всё ещё различал серый силуэт замученного мужика сквозь клубы морока. Он видел его рубцы, его копыта, его ржавый обруч.

— Сдохни, — прохрипел бомбардир.

Он бросился вперёд, игнорируя острую боль в сломанных рёбрах. Пригнувшись под взмах когтистой лапы, он нырнул под брюхо твари и всадил осиновый клинок вертикально вверх, точно под грудину, целя в ту точку, где у живого человека находится сердце.

Лезвие вошло по самую рукоять. Тело банника дернулось в последней судороге. Серые руки вцепились Антаану в плечи, пытаясь утянуть за собой. Лицо-масса оказалась вплотную к лицу драгуна. Трещины раскрылись, и Антаан увидел: вот приказчик бьёт батоном, вот мужика загоняют в баню, вот подпирают дверь колом, и крик его переходит в хрип, а хрип в тишину...

Жалость перехватила горло. Это был не монстр. Это была ошибка правосудия. Искривлённая справедливость. Человек, который не нашёл покоя, потому что его убийца остался жив и продолжал строить новую Россию на костях таких, как он.

— Прощён будешь, когда убийцу твоего заберёшь, — бросил Антаан духу, чувствуя, как немеют пальцы на рукояти. — Сегодня же ночью.

Осина сделала своё дело. Древесина начала стремительно впитывать эфирное тело. Клинок засветился тусклым багровым светом, вытягивая жизнь из нежити. Спустя десять секунд в руках у драгуна осталась лишь рукоятка, торчащая из кучки серого праха, похожего на древесную золу.

Снег вокруг начал быстро таять. Чёрная кровь духа прожигала наст до самой земли, оставляя глубокие, чёрные борозды, которые будут помнить эту ночь ещё долго.

Антаан обернулся. Домна сидела в сугробе, обхватив себя руками. Её трясло крупной дрожью, лицо стало восковым, как у мертвеца. Зубы стучали, и от этого стука у Антаана заныли свои собственные зубы.

— Жива? — просипел он, опускаясь рядом. Каждое движение отзывалось взрывом боли в боку.

— Буду, — выдавила она. — Узел цел. А вот твоя солдатская гордость кровоточит хуже нутра. Дай посмотрию.

Она протянула руку к его разорванному мундиру, но остановилась на полпути. Взгляд её упал на кучу пепла. В этом взгляде было не облегчение, не радость — только тихая, спокойная печаль.

— Ты дал ему упокоение? — тихо спросила она. — Сказал про убийцу?

— Да, — Антаан поморщился, прижимая ладонь к рёбрам. — Старосту этой ночью удавят. Справедливость по закону крови. Довольна, ведьма?

Домна ничего не ответила. Она просто прижалась лбом к его здоровому плечу, пряча лицо. Впервые за всё время пути она позволила себе слабость — не ту, которую можно было бы использовать против неё, а ту, которая делала её человеком, а не инструментом. Связанные

нити натянулись, передавая часть его физической боли ей, а часть её истощения — ему. Они дышали одним воздухом на двоих, сидя посреди мёртвой деревни, пока вдали, на колокольне новенького каменного храма, бил набат.

И в этом набате не было страха. Была только надежда, что кто-то пришёл, чтобы освободить их от того, что мучило их изнутри.

Глава 5

Изба старосты пахла воском, кислым тестом и страхом. Этот запах был густым, почти осязаемым — он оседал на языке, на зубах, на нёбе, и от него хотелось выйти на мороз и дышать, дышать, пока лёгкие не очистятся. Но Антаан не вышел. Он стоял посреди горницы, сжимая в руке треух, и смотрел на человека, который сидел за дубовым столом.

После того как Антаан упокоил банника, морок над Выдропужском рассеялся. Люди начали выходить из подполов, крестясь на заколоченные окна. Скотину кое-как загнали обратно в хлева. Но центр села — дом самого богатого мужика Ерофея — оставался тихим. Слишком тихим. В этом доме не скрипели половицы, не хлопала дверь, не было слышно даже дыхания. Только тишина, которая давила на уши, как вата.

Домна отказалась входить внутрь. Она сидела на завалинке у соседнего дома, прижимая к груди глиняную баклажку с теплой водой. Ритуал границы выжег её дотла: кожа стала серой, как у покойницы, под глазами залегли глубокие тени, похожие на свежие синяки. Узел связи работал против неё — он передавал ей физическую боль Антаана от сломанных рёбер, но не давал взамен жизненной силы, только забирал остатки тепла. Она дышала тяжело и редко, и каждый вдох давался ей так, будто она поднимала камень, который был больше неё самой.

Антаан вошёл один. Ему нужен был свет, тепло печи и чёткие линии человеческого быта, чтобы смыть с себя запах праха замученного крестьянина. Он хотел верить, что здесь, в этом доме, есть порядок, есть закон, есть то, что он понимал. Он ошибался.

Староста Ерофей сидел за дубовым столом, сгорбившись, как огромная жаба на камне. Перед ним стояла четверть мутного первача, но он не пил. Его огромные, похожие на окорока руки мелко тряслись, пальцы сжимали край стола так, что побелели суставы. Когда дверь скрипнула, он вздрогнул так сильно, что опрокинул солонку. Белая струйка соли потекла по выскобленной столешнице прямо к краю — словно тропинка для нежити, которая уже ждала его за порогом.

— Бунтовщица сбежала? — просипел Ерофей, глядя мимо драгуна на дверной проём. — Добро. Одной ведьмой меньше. А этого... голытьбу лесную я сам порешил. По закону государеву. Он недоимку два года скрывал. Я батожья не жалел... Он говорил быстро, сбивчиво, словно пытался убедить самого себя, что его действия были правильными.

Антаан медленно снял треух. В избе было жарко, но бомбардир чувствовал, как по спине бежит ледяной пот. Не от лихорадки. От понимания. Он смотрел на этого человека — толстого, напуганного, с руками, которые привыкли бить, — и видел перед собой не мужика, а символ. Символ того, что он ненавидел в этой стране.

— Где тело? — спросил Антаан ровным голосом.

— Под порогом бани, где ж еще таким место, — буркнул староста, наконец осмелев от молчания гостя. Он сунул руку под стол, явно ища топор или кистень, но его пальцы нащупали только пустоту. — Забил кольем двери, да соломой обложил. Как велено указом о раскольниках. Души их антихристу идут, а плоть червей кормит. Всё чин по чину, господин драгун. Вот и бумага от земского есть...

Он начал вытаскивать засаленный свиток, разворачивая его дрожащими пальцами, и в этом жесте было столько подобострастия, что Антаану захотелось ударить его. Но он сдержался. Он был офицером.

В этот момент пол под ногами Антаана едва заметно дрогнул. Это была не судорога земли. Это Домна снаружи поднялась на ноги, опираясь на клюку, которую подобрала во дворе.

Клейма на груди бомбардира вспыхнули багровым огнем, и этот огонь был не физическим, а внутренним — он жёг его изнутри, напоминая о связи, о долге, о том, что Домна не даст ему забыть, что он теперь часть её мира.

— Закон империи изменился, Ерофей, — сказал Антаан, и голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал. Он шагнул к столу, и его шаг был спокойным, размеренным, как у человека, который знает, что делает. Староста вжался спиной в бревенчатую стену, и дерево под его весом жалобно скрипнуло. — Петр Алексеевич нынче нуждается в людях. Даже в беглых. Утайка зерна больше не карается погребением заживо. За это положен штраф в казну и плети. Ты превысил власть. Ты убил государственного крестьянина без приказа воеводы. Это уже не хозяйственный спор. Это душегубство.

Ерофей побледнел. До него начало доходить, что человек в синем мундире пришёл не проверять бумаги и не собирать подати. Он пришёл за ним.

— Так ведь... ваше благородие... бес же там был! Вся деревня видела! Банник! Мне медаль обещали за очистку уезда от скверны! — забормотал он, пытаясь встать, но колени его не слушались, и он остался сидеть, вжавшись в стену, как мышь, загнанная в угол.

— Бес ушёл, — отрезал Антаан, чувствуя, как холодная ярость поднимается из груди. — Навсегда. Потому что я дал ему покой. А вот убийца остался. И закон требует твоей передачи в Разбойный приказ. В Москву. Там разберут твои книги, найдут другие смерти, и через год колесования ты будешь молить о смерти, которая не придёт. Это будет долго, грязно и по всем правилам Сената.

Староста заплакал. Жирные слёзы текли по обвисшим щекам, падая в соль на столе. Он рухнул на колени, пополз к сапогам Антаана, пытаясь облобызывать их. — Батюшка! Отец родной! Христом Богом! Денег дам! Золото! Только не губи! У меня детки малые! Всё твоё будет!

Антаан безразлично отступил, ударив мыском сапога старосту в лицо. Ерофей откатился назад, захлёбываясь кровью и соплями. — Собирайся, — бросил драгун. — Через час выходим. Лошадь тебе выделят. Пойдёшь пешком до Твери в колодках. Если выживешь — может быть, каторга примет тебя живым.

Это был правильный выбор. Выбор офицера. Выбор человека, который верит в чертежи Лейбница и таблицы законов. Справедливость должна вершиться судом, иначе Империя утонет в кровавой бане личной мести. Он дал старосте шанс — ничтожный, но всё же шанс. Антаан отвернулся, набрасывая на плечи плащ. Дело закрыто.

— Нет.

Голос Домны прозвучал сзади тихо, но в тесной горнице он ударил громче пушечного залпа. В этом голосе была такая сила, такая уверенность, что Антаану показалось, будто стены дрогнули.

Антаан обернулся. Ведьма стояла в дверях, держась за косяк, и её лицо было бледным, как мел. Её глаза больше не были просто зелёными — они светились в полумраке избы, как гнилушки на болоте, и этот свет был холодным, неживым, пугающим. Рунические знаки на груди Антаана обожгли кожу невыносимым жаром, словно кто-то приложил к ним раскалённое железо. Домна перехватила контроль узлом, используя его гнев, его сомнение, его усталость — всё, что кипело в нём, она взяла и повернула в свою сторону.

— Ты обещал ему суд духа, лягушатник, — сказала она, делая шаг вперёд. — Ты смотрел в его трещины. Ты видел, как его дети плакали, когда отец приказал ломать им пальцы, чтобы заговорили. Ты слышал, как хрустели кости под обухом. Не смей отдавать эту землю законам твоего немца-царя.

Она говорила негромко, но в каждом её слове слышалась угроза, которая была древнее любого закона.

— Домна, прекрати! — рявкнул Антаан, чувствуя, как начинают неметь губы. — Мы не палачи! Мы стражи порядка! Если мы начнём скармливать людей призракам ради удобства, чем мы лучше той Хтони?!

— Лучше?! — она рассмеялась, и смех этот звучал безумно, почти истерично. — Порядок умер вместе с этим мужиком под порогом. Здесь нет царя. Здесь есть только долг крови. Ты хотел справедливости, лягушатник? Получи её.

Она подошла к столу, оттолкнув плечом пытающегося отползти старосту. Резким движением схватила со стола ту самую бутылку первача. Оторвала зубами деревянную пробку, и щепка хрустнула, как кость. Принюхалась. Глотнула.

— Эй, хозяин, — позвала она ласково, почти певуче. Голос её эхом отразился от стен, приобретая второй, потусторонний тон — низкий, вибрирующий, который не мог принадлежать человеческому горлу. — Твой дух ждёт. Он мерзнет в своей бане. Ему скучно одному. Выходи, Ерофеюшка. Проводи гостя дорогого.

Староста замер. Его затрясло новой волной дрожи, гораздо сильнее прежней. Он посмотрел на Домну, потом на свои руки, затем на тёмные половицы своего собственного дома, и в его взгляде была такая паника, что Антаану показалось, будто он сейчас лопнет.

Скрипнула половица. Та самая, под которой лежал замурованный труп. Затем вторая. Третья. Звук шёл изнутри дерева — медленный, тяжелый, настойчивый. Кто-то очень тяжёлый нажимал на доски снизу. Не мёртвый — мертвец бы прошёл сквозь дерево. Живой. Но движимый волей, куда более древней, чем человеческая жажда жизни.

Дверь в подклеть сама собой распахнулась, ударившись о стену с глухим стуком. Из темноты повеяло могильной сыростью и запахом берёзового веника — запахом бани, в которой когда-то убили человека. На пороге стоял тот самый серый силуэт. Банник. Теперь он выглядел иначе: спина зажила, копыта исчезли, превратившись в босые ступни обычного мужика. Но железный обруч на шее всё ещё дымился красным.

Ерофей издал звук задавленного поросёнка — тонкий, визгливый, нечеловеческий. Он попытался метнуться к выходу, мимо Домны, но Антаан преградил ему путь. Бомбардир тяжело дышал, сжимая кулаки, и на костяшках его пальцев выступила белая кожа. Каждое движение причиняло острую боль в сломанных рёбрах, но сейчас он удерживал старосту не силой оружия — своим телом. Своим выбором. Своим молчаливым согласием.

— Это неправильно, — процедил Антаан, глядя в упор на Домну. — Мы превращаемся в зверей.

— Мы всегда ими были, — ответила она. — Просто прятались за иконами и указами. Отойди. Не марай мундир.

Банник двинулся к столу. Он не касался пола — скользил над ним туманом, оставляя за собой след из серого праха. Ерофей выл, царапая ногтями сосновые доски, пытаясь вжаться в стену, но его пальцы скользили по гладкому дереву, не находя опоры.

Когда серая рука духа легла на плечо старосты, тот выгнулся дугой, как на дыбе. Кожа Ерофея начала стремительно бледнеть, истончаться, становясь похожей на старый пергамент, который вот-вот рассыплется. Банник не рвал плоть. Он вытягивал жизнь — медленно, капля за каплей, возвращая каждую унцию боли, которую причинил сам за годы кабалы.

Домна смотрела на это спокойно, даже удовлетворённо. Для неё восстанавливалось равновесие. Лес получил свою жертву. И в этом взгляде Антаан увидел то, что не видел раньше: она не просто ведьма. Она — часть этого мира, часть этого леса, часть этой крови.

Антаан закрыл глаза. Боль в рёбрах пульсировала в такт биению клейма на груди, и каждый удар отдавался в висках тупой, тягучей болью. Он ненавидел себя в эту секунду. Ненавидел ведьму, Петра I, мёртвого мужика и весь этот дикий, неповоротливый край, который отказывался становиться Европой.

Но он не разжал рук, продолжая держать выход.

К утру от старосты осталась лишь пустая оболочка, высохшая мумия в добротном кафтане. Банник растворился в утреннем паре, поднимающемся от растопленной кем-то печи.

Домна опустилась на лавку, мгновенно проваливаясь в сон истощения. Контроль узла вернулся к Антаану. Он подошёл к ней, тяжело опираясь о стену, и посмотрел на свои руки. Они были чистыми. Юридически на них не было ни капли крови Ерофея.

— Запиши в отчёт, лягушатник, — вдруг прошептала Домна, не открывая глаз. — «Скончался от удара». Петру понравится такая физиология.

Антаан ничего не ответил. Он плеснул в кружку воды из ведра, разбавил остатками первача и заставил себя выпить. Жидкость обожгла глотку, но не согрела. Впервые за двадцать четыре года незаконнорожденный сын француза понял: чтобы построить империю на этой земле, придётся испачкать руки не только пороховой гарью. Иногда нужно просто вовремя закрыть дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.